

ТИНА ЛАВ

со вкусом карамели

РАЗВОД

Тина Лав

Развод со вкусом карамели

«Автор»

2026

Лав Т.

Развод со вкусом карамели / Т. Лав — «Автор», 2026

Муж ушел к той, с кем «есть о чем поговорить», оставив Аиду в пустой квартире с четким ощущением, что она была просто удобным фоном. Но жизнь, как капризное тесто, не терпит чужих инструкций: кухонный бардак, мука на потолке и паника перед камерой случайно стали ее лучшим рецептом. Оказывается, если позволить глазури треснуть, а себе — наконец рассмеяться над своими «фейлами», жизнь может стать намного слаще.

Содержание

Глава 1. Убежавшее молоко нашего брака	5
Глава 2. Липкое тесто надежды	9
Глава 3. Терпкий запах потери	13
Глава 4. Горечь чужого счастья	17
Глава 11. Где пекут успех	21
Глава 5. Кулинарный бункер	25
Глава 6. Мука до потолка	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Тина Лав

Развод со вкусом карамели

Глава 1. Убежавшее молоко нашего брака

Апрельский воздух был пропитан сыростью, запахом оттаявшей земли и мокрым гудроном. Зима наконец отступила, но город еще не проснулся по-настоящему - стоял в липкой, серой полудреме, разрываемой между грязными островами снега у бордюров и первыми бесконечными лужами, в которых дрожало бледное небо.

Я брела от своей кондитерской, не торопясь. Только сейчас, когда дверь пекарни за мной захлопнулась, а смена официально была закрыта, я позволила себе выдохнуть, а плечам разжаться.

Целый день они несли тяжесть бесконечных замесов, контроля за капризными температурами, ювелирной отсадки кремов. Пальцы до сих пор помнили упругую податливость теста, а в ноздрях все еще витал ванильный дым.

В голове, как заведенный метроном, отстукивал вечерний чек-лист. Закинуть в барабан стиральной машины мои фартуки, отпарить рубашки Павла на всю неделю, сварганить ужин и что-то Пашке за завтра, расписать отчет об изготовленных за неделю изделиях. Не обязательно, но для статистики - необходимо.

Жизнь, выверенная до грамма, где каждый шаг прописан заранее и не терпит самостоятельности.

Пашка, скорее всего, уже дома. Он часто приходит довольно рано и работает дальше уже дома в уюте и тишине привычных родных стен - составляет новые программы праздников, проверяет комментарии в соцсетях, настраивает рекламу.

Никто не отвлекает, можно расслабиться, а звонки по телефону принимать можно в любом месте.

Я гордилась своим мужем. Не каждый к тридцати годам имеет собственное ивент-агентство. А ведь он начинал с простого аниматора. Шесть лет назад у нас была только мечта, а теперь она стала реальностью.

Я уже видела, как войду в прихожую, стащу промокшие ботинки, оставлю пакеты на столешнице и тихо займусь своим делом, пока он зарабатывает настоящие деньги для нашей семьи.

Все шло по заведенному порядку. Так и должно было быть. Он отвечал за обеспечение, а я - за быт.

Но я работала, конечно. Деньги-то в любом случае лишними не будут. Да и неправильно это - сидеть у мужа на шее. Пашка сразу сказал, что жена должна чем-то заниматься, а не только дома сидеть. Вот что ей дома делать? Полы помыть, поесть приготовить - так это и после работы можно сделать, там делов-то

Я шла, втягивая влажный воздух, наслаждаясь тем, что холод и промозглый ветер сменились на эту распутицу - это означало, что скоро лето. Но еще не жарко, и свежий воздух приятно освежает после работы.

Эта весна напоминала плохо взбитый крем: рыхлая, мутная, но с едва уловимой сладостью в конце.

Подъезд встретил запахом кошачьего туалета и мокрых тряпок. Видимо, сегодня здесь попытались помыть пол, но не сочли нужным хотя бы раз поменять воду. Дойдя до своей двери, я вытащила связку ключей и обратила внимание на свои руки.

Так и знала, что я что-то забыла! На безымянном пальце не было кольца. Я всегда снимала его перед работой, но никогда не забывала надеть обратно. Это было правило, которое мне даже помнить не приходилось - руки автоматически надевали кольцо перед выходом с работы. Всегда.

И вот сегодня система дала сбой. Как я умудрилась? Что ж, трагедии в этом нет. Кольцо дождется меня - его никто не тронет на моей полочке. Тут и думать нечего. Но как же без него неприятно и неудобно. словно голая!

И ведь шла по улице и чувствовала дискомфорт. Но как я не поняла, что именно случилось? Если бы я сообразила раньше, то обязательно вернулась бы. А теперь Теперь придется побыть без него.

Замок щелкнул. Дверь подалась с тихим скрипом.

Я шагнула в прихожую, намереваясь опустить пакеты, и окаменела. В коридоре стояли две огромные клетчатые сумки. Явно не пустые.

Пашка на корточках обувался.

– Ты чего так рано? - буркнул он.

– В каком смысле? - не поняла я. - Я всегда так прихожу. У меня, вроде, день нормированный. А ты чего это? Куда собрался?

– Уезжаю, - снова буркнул Пашка. - Не хотел с тобой пересекаться, но Ладно, все равно об этом надо было поговорить. Вот и говорю.

Я ничего не поняла из этой сумбурной речи. То ли отупела за рабочий день, то ли в принципе отупела и разучилась понимать людей. Мужа, например..

– Куда уезжаешь? О чем поговорить? - решила прояснить я.

– О разводе, - буднично ответил Пашка. - Только давай без истерик.

– Какой развод? - ошалела я. - Какие истерики? Ты с ума сошел?

Ни о каком разводе я не знала. Или он говорил, а я забыла? Нет, точно не говорил. Я бы запомнила. Как такое забудешь-то вообще?

– Аида, я же попросил без истерик, - горестно вздохнул муж. - Ну что ты опять начинаешь?

– Что начинаю? - чуть повысила голос я. - Паш, ты о чем вообще? Какой развод? Что случилось?

– Так и я думал, - нахмурился Пашка. - Так и знал, что начнутся скандалы, разборки, сцены Я так устал! Я хотел просто уйти.

– Просто уйти? - окончательно потеряла я связь с реальностью. - Просто собрать потихому вещи и куда-то свалить? Ты нормальный?

– А ты нормальная? - вернул претензию муж. - Я попросил без скандалов, а ты устроила сцену.

– Да ничего я не устраивала, - тихо произнесла я. - Я просто хочу понять, что происходит. Почему ты уходишь?

– Вот поэтому, - припечатал Паша. - Потому что ты совсем выпала из жизни. С тобой даже поговорить не о чем. У тебя все разговоры только о том, что приготовить. Все, мне пора. Не звони мне.

– А куда ты уходишь-то? - задала я совершенно нелепый вопрос, как будто сейчас это было действительно важно. Хотя важно было вовсе не "куда", а "откуда". Отсюда.

– В свою квартиру, - нехотя ответил муж.

– Так она же маленькая, - невпопад лягнула я, как будто это было серьезным аргументом, чтобы остаться. - А жильцы, которые ее снимают, к этому как отнесутся?

– Вот видишь! - снова нахмурился Пашка. - Они уже месяц там не живут, а ты даже не в курсе.

– Вот дела, - снова удивилась я. - А откуда я должна была об этом узнать?

– Спросить, например, - снова развел руками муж. - Поинтересоваться, как идут дела. Или кроме твоих пирожков тебя ничего больше волнует? Хотя, кого я спрашиваю

Он подхватил сумки и почти побежал вниз по лестнице, не оборачиваясь.

А я застыла в коридоре, словно под ледяным апрельским дождем, который пробивает насквозь, не оставляя ни малейшего шанса спрятаться.

Происходящее казалось каким-то нелепым фарсом или ночным кошмаром. Будто идешь по знакомой набережной, а асфальт под ногами вдруг превращается в вязкую жижу, и ты проваливаешься, не успевая ухватиться за реальность.

Обычно в таких снах спасает пробуждение. Но сейчас вынырнуть не получалось. Я ущипнула себя за руку. Больно! Но нет - я все так же стояла в коридоре, а не вскакивала с криками на кровати.

Машинально я глянула на руку, на которой не было обручального кольца. Как это случилось, что именно сегодня, когда я забыла его на работе, мой муж решил от меня уйти?

Может, мне не стоило открывать эту чертову дверь, обнаружив пропажу? Может, надо было бежать на работу за кольцом и возвращаться уже с ним, и тогда я попала бы в свой привычный уютный мир, а не в этот ужас и мрак?

Может, я открыла дверь в параллельную реальность? Может, именно кольцо было моим ключом к нужной привычной двери

Какие только глупости не придут в голову. Я тряхнула волосами. Приметы, кольца, параллельные вселенные Это все чушь. Мужья уходят независимо от того, носят их жены кольца или нет.

По всем законам драматургии следовало зарыдать. Или хотя бы выкрикнуть что-то невнятное. Или просто рухнуть. Но онемение оказалось сильнее эмоций. Внутри словно выдернули вилку из розетки, и все, что сейчас болело, медленно опало, превратившись в липкую, безжизненную массу.

Я пыталась прожевать мысль: Павел собрал чемоданы и ушел. Ушел - насовсем? Или на время?

Почему он ушел? Зачем ушел? Вопросов было много, а ответов не было совсем. В голове крутились мысли, как опара в тестомесе. Они вязли и липли, мешали друг другу, не давали увидеть картину целиком.

Все это напоминало дурное кино про тупых героев, которые сами не знают, чего хотят.

Чего ему не хватало? Почему он так внезапно ушел? Мы ведь даже не ругались. Я не изменяла, не предавала, не требовала невыполнимого. Да и выполнимое тоже не требовала - по дому справлялась сама, а для "мужских" дел я вызывала мастеров на час. Так гораздо быстрее и проще, чем тревожить по пустякам Пашку. Тем более, что он постоянно был занят.

Он никогда не возражал - денег давал без проблем, зная, что ему этим заниматься некогда, а я - не умею. Зато я могу взять на себя организацию решения и не тратить его время на эту ерунду.

Вести бизнес это ведь не просто ходить на работу в найме, где за тебя все решают. В бизнесе ответственность нужна! Месить тесто по готовым картам - это разве работа? Это ерунда! А вот попробуй-ка порешай серьезные вопросы ивент-агентства

Я все это прекрасно понимала.

Так чего же я не понимала? Когда я умудрилась прозевать убежавшее молоко нашего брака?

Нет, этого просто не могло быть в нашей жизни. Не сейчас! Не теперь, когда в нашей жизни наступила светлая полоса - никаких долгов, никакой неопределенности, полная ясность впереди. Мы даже задумывались о ребенке. Возраст - самый подходящий, тридцать лет - самое благоприятное время со всех сторон, как ни крути. И здоровья еще вагон, и деньги уже имеются.

Я обвела комнату долгим взглядом.

На первый взгляд, вроде, ничего не изменилось. Но стало как-то пусто и неуютно. Как будто жизнь из комнаты ушла. Как будто ушла душа, что ли.

Постель была небрежно заправлена - Пашка всегда просто накидывал сверху покрывало, не заботясь о том, чтобы ровно разложить подушки и расправить одеяло.

Я машинально поправила. Потом не выдержала и все перестелила. Хотя смысла в этом уже не было - все равно скоро снова ложиться спать.

Спать? Одной?

За шесть лет брака я ни разу не спала одна. Пашка всегда ночевал дома. Или мы ездили отдыхать вместе. И спали там тоже вместе.

И с кем же он будет спать теперь?

Ревность, острая, как хорошо наточенный нож, воткнулась в сердце и начала ворочаться там. Слезы сами собой потекли из глаз.

Как такое возможно, что человек еще вчера вечером засыпал с тобой, а уже сегодня ушел, бросив обидное: "Не звони мне"? Почему ничего не стал объяснять?

Почему он молчал, если его что-то не устраивало? Почему не дал возможность что-то исправить?

Или он давно для себя все решил, а потом только готовил пути для отхода - освобождал квартиру от арендаторов, например? Но почему он решил расстаться?

Разве я была плохой женой? Или дело не во мне, а в том, что появилась другая? Та самая, с которой он сегодня будет засыпать в своей квартире, как когда-то - даже вчера - засыпал со мной.

Получается, что она заняла мое место. Мое законное место рядом с моим законным мужем!

А как же я? Кто будет теперь со мной?

Стало так жалко себя, что слезы, которые едва успели прекратиться, вновь хлынули потоком. Они текли по щекам, а из груди рвался воздух. Отрывисто, болезненно.

Я размазывала слезы по лицу руками, которые так и не помыла, придя с улицы. Размазывала тушь, которой всегда подкрашивала глаза перед работой. Размазывала пудру, которая делала мое лицо бархатистым. Для кого? Для того, кто даже не объяснил мне, в чем моя вина? За что я осталась одна?

Глава 2. Липкое тесто надежды

Среда выдалась серой и липкой, как непромешанное тесто. За окном кондитерской апрельское небо нависало низкими тучами, с которых периодически срывался мелкий дождь, превращая двор в бесконечное зеркало из луж и грязи.

Снег почти сдался, оставив после себя лишь мокрые, грязные островки у водостоков, но тепло так и не пришло. Воздух стоял тяжелый, пропитанный запахом мокрого асфальта, прелой листвы и нашей вечной ванильно-мучной пылью.

То, что вчера казалось мне началом весны, сегодня вызывало бесконечную тоску и омерзение.

Но работать было необходимо - это хоть немного отвлекало. Не давало провалиться в тягостные мысли.

Мыслей было много, а самая главная среди них была надежда. Дурацкая надежда на то что все само как-нибудь наладится.

Первые часы смены прошли в привычном, почти автоматическом ритме. Пальцы помнили движения: отмерить, просеять, взбить, проверить температуру духовки. Но сегодняшние заказы давались с трудом, будто крем норвил расслоиться, а бисквит не хотел подниматься. За годы работы в этой маленькой пекарне я привыкла к стабильности настолько, что малейший сбой в графике или недозбитый белок заставляли внутренне сжиматься.

А сейчас в голове были совсем другие мысли.

Кухня не любит злых или печальных. Готовить всегда надо с хорошим настроением и любовью, иначе блюдо выйдет в лучшем случае невкусным. В худшем - оно будет отравлено тем ядом, который пожирает тебя изнутри.

И пусть этого яда нет среди известных ученым-химикам, но он реален. Яд горечи, предательства, разочарования, гнева, ненависти

Дневной свет ложился на столы бледными, холодными полосами. За стенами гудел город: шуршали шинами машины, развозящие воду по колеям, прохожие торопливо перепрыгивали через лужи, стараясь не запачкать весеннюю обувь. Внутри было душно и влажно — печи работали на полную мощность, а форточки едва справлялись с конденсатом.

Моя напарница Иринка старательно замешивала фарш на беляши, тихо напевая под нос.

Дверь кухни отворилась без стука. На пороге стояла Елена Ивановна, наша хозяйка и главная по кондитерской. Обычно она входила с четкими распоряжениями и счетами на сверку, но сегодня ее плечи были опущены, а лицо не выражало ничего хорошего.

Она держала в руках сложенный вдвое лист бумаги и выглядела так, будто вот-вот заплачется.

– Девочки, - начала она твердо, но голос предательски дрогнул. - Я к вам с плохими новостями. Тянула до последнего. Все надеялась, что как-нибудь образуется, но В общем, мы закрываемся.

Я уставилась на нее непонимающим взглядом, а Иринка развернулась от своего тазика с фаршем и ошеломленно произнесла:

– В каком это смысле?

– В прямом, - не стала юлить начальница. - Нелегко нынче малому бизнесу. Взрослые же, должны понимать

Она махнула рукой, словно сама не верила в то, что говорила. Ее слова не укладывались в голове.

Только вчера мой муж собрал вещи и ушел из дома, и я видела в работе хоть какой-то островок привычной жизни и стабильности, и вот не стало и его.

Это было слишком плохо, чтобы быть правдой.

– Вы шутите? - выдавила я.

– Хотелось бы, - мрачно произнесла Елена Ивановна. - Не до смеха мне. В общем, с понедельника кондитерская официально закрыта и выставлена на торги. Такие вот дела.

– А нам-то что делать? - спросила Иринка таким тоном, словно Елена Ивановна должна была испугаться и передумать закрывать бизнес.

– Искать новые места, - развела руками начальница. - Но вы не волнуйтесь, все по закону - выплачу вам компенсацию за переработки, отпуска, пособие по сокращению или что там полагается? В общем, вам все посчитают уже завтра и в понедельник, как банки откроются, вам все сразу на счета упадет.

– Может, это временно? - закинула я удочку, надеясь сохранить хотя бы осколки привычной реальности. Хотя бы какие-то крупные осколки. Но все надежды Елена Ивановна уверенно разметала в пыль.

– Нет ничего более постоянного, чем временное, - вздохнула она. - Думаете, мне вот так легко - потерять любимое дело и доход? Я цеплялась, сколько могла. Билась, боролась, но все бестолку. Девочки, не теряйте ваше время. Не ждите, пока я разберусь со своими проблемами. Ищите места. Я понимаю, что сейчас многие закрываются, но крупные точки еще держатся. Пробуйте туда. Если надо, я напишу вам отличные рекомендации. Больше ничем я помочь не могу.

На последних словах ее голос снова предательски дрогнул, и она быстро развернулась и юркнула в дверь, тихо прикрыв ее за собой, а мы с Иринкой остались в шоке.

Сегодня была среда. До конца недели оставалось всего пара смен. Пара дней, чтобы сдать остатки инвентаря, упаковать инструменты и понять, как жить дальше.

Я смотрела в белую кафельную стену, а в голове уже начинали складываться пугающие цифры: коммуналка, продукты, бытовая химия... На какие деньги? Да, выплатят компенсацию. Да, этих денег хватит на пару месяцев. А дальше? Как жить дальше?

Если раньше можно было рассчитывать на Пашкины доходы, пока я ищу новую работу, то сейчас не было и его.

Правду говорят, что беда не приходит одна. И вот сейчас моя жизнь оказалась полностью разрушена - ни семьи, ни работы. Ничего того, ради чего стоило жить. Ничего того, что давало мне опору.

До кучи оставалось еще заболеть чем-нибудь неизлечимым.

Я тут же отогнала эти скверные мысли. Все и так было достаточно плохо. И делать еще хуже не стоило.

– Нормально, конечно, - хмыкнула Ирина. - Отличная новость. А главное - вовремя. Только я взяла кредит на машину И что мне его теперь, обратно отдавать?

– Ты кредит взяла? - автоматически отозвалась я. - Я не знала.

– Я не говорила же, - пожала плечами Ирка. - Думала, скажу, когда машину куплю. Раньше времени чего трепаться? А ты чего такая кислая, как будто вместо сахара лимонной кислоты в чай бахнула?

Я тяжело вздохнула в раздумьях. Как сказать эту новость? И говорить ли, вообще? Вдруг Пашка еще вернется? Вдруг это временный кризис?

И как я потом буду себя чувствовать? Как дура? Как паникерша?

И как после этого Иринка будет относиться к моему мужу?

У нее у самой полгода назад состоялся развод - громкий, со скандалом. Ирка выставила своего мужа с сумками на улицу, потому что устала терпеть его постоянные загулы и поиски себя. Искал себя он то в компании сомнительных девок, то среди других таких же безответственных друзей, которые не могли найти постоянную работу.

Тогда она даже не переживала. Наоборот, сказала, что так хорошо себя никогда не чувствовала - словно скинула камень с шеи и начала выплывать, когда уже и не надеялась на это.

А я еще смотрела на нее и холодела от мысли, что могу так поступить с Пашкой. Что ж, я с ним так и не поступала. Он ушел сам.

И это было очень больно и несправедливо.

Поймет ли Иринка, что не все так легко и радостно расстаются с мужчинами, как она?

– Пашка вчера собрал вещи и ушел, - наконец, выдавила я и проглотила вставший в горле комок.

– Куда ушел? - опешила Ирка. - Как ушел? Погоди

Она задумалась.

– Ушел в свою квартиру, которую мы сдавали. Мы же жили в моей родительской - она побольше. А там - однушка

– А где эта его квартира? - осторожно поинтересовалась она. - Случайно не на Первомайской?

– Откуда ты знаешь? - удивилась я. - Да, в свечке на углу Первомайской.

– На первом этаже? - добила она.

– Ну да. На первом, а что?

– Значит, не показалось, - медленно произнесла она. - Я же в том же доме живу, ты не знала?

– Нет, - снова удивилась я. - Откуда бы? Я же у тебя в гостях ни разу не была, как и ты у меня.

Мы с Иринкой познакомились всего год назад - в этой пекарне. И хотя на работе мы хорошо ладили и даже могли бы называться подругами, но по факту мы не дружили в полном смысле этого слова. На это просто не было времени. Работа, дом, семья, быт Когда тут дружить? Когда в гости ходить? Да и на работе нам хватало общения.

– Ну да, - потеряла нос Ирка. - Точно. Ну вот, теперь знаешь. Я живу в той свечке. И вчера увидела мужика с сумками. Думаю, похож на мужа твоего Но так его видела-то пару раз всего и то не слишком близко. Думаю, чего бы ему там делать-то? Показалось, наверное. А вот нет - не показалось.

– Очуметь, - вздохнула я. - Ну он хоть один был? Или с бабой?

– Один, один, - успокоила Ирка. - У него квартирка-то прямо под моей. У меня же одна из двух совмещенная - так родители в свое время сделали. Была их квартира и дедова. Деда не стало, так они стену разворотили, и получилась трешка с одной огромной кухней и двумя ванными. Прямо пентхаус, короче. Потом ремонты, то да се. Они переехали к морю еще лет восемь назад, а мне все это богатство и осталось. На черта мне такие хоромы? Ну да ладно. Так а чего ушел-то? Сам так решил?

– Сам, - кивнула я. - Сказал, что со мной не о чем поговорить, кроме пирожков. А я ведь даже пирожками не занимаюсь. Я на пирожных стою Бред какой-то.

– Ясно, - скривилась Ирка. - Ты только на свой счет не воспринимай этот бред. Этот бред не про тебя, а про него.

– Но я и правда стала какой-то пресной, - развела я руками беспомощно.

– А раньше прямо такой развеселой была, да? - внимательно посмотрела на меня Ирка.

– Да нет. Обычной.

– Ну так вот тебе и ответ. Раньше ты его устраивала, а теперь новых ощущений захотелось. Ничего. Еще поймет, кого потерял. Поговорить ему не с кем Кобелина!

– Ты же сама сказала, что он один был, - прищурилась я.

– Мы последим, последим, - угрожающе пообещала Иринка. - Мне наблюдать удобненько. Да и соседей я всех знаю Я там с детства живу. А как эта квартирка вдруг стала его? Там же раньше жила тетя Поля. Но она одинокая была. За ней даже не ухаживал никто Правда, я же пару лет не жила там. Как раз, когда родители на моря собрались, мы квартиру закрыли

и поехали все вместе. А потом я вернулась. Не мое это - курортные города. А тети Поли уже нет, а в ее квартире какие-то люди.

– Ну да, примерно тогда он ее в наследство и получил, - кивнула я. Точнее, его мать получила. Но она хозяйство бросать не стала, а он из деревни переехал, встретил меня, через пару месяцев уже ко мне переехал, а квартиру мы ту сдали, чтобы денег побольше было. Ну, Пашка сдал.

– Ясно, - снова кивнула Ирка. - Странно, но я его там не видела ни разу до вчерашнего дня.

– Деньги на карточку переводили, - пожала я плечами. - А сдавали через агентов. Они сами показывали, заключали договор. Так проще. Пашка туда даже не ездил никогда. А я внутри вообще ни разу не была. А нет, вру, один раз была. Там нужны были шторы, и мы наши старые привезли.

Странно, но от этого разговора мне становилось легче. Иринка не утешала меня, но почему-то беседа успокаивала. Как будто мы говорили о чем-то совершенно обычном. Обыденном. Банальном.

Вот, как о пирожках. Или о том, как лучше стирать белое - замачивать или сразу с кислородным отбеливателем на высоких температурах прогонять без всякой возни. Или о том, чем подкормить герань, которая чахнет, несмотря на все усилия.

– Ладно, не кисни, - сказала Ирка. - Пройдет время, и ты еще поймешь, как хорошо быть одной. Поначалу непривычно, но это временно. Еще сама не рада будешь, когда он припрется обратно.

– Думаешь, он вернется? - слабо усмехнулась я.

– Сто процентов, - кивнула Ирка. - Они всегда возвращаются. Исключений нет. Но это происходит исключительно тогда, когда становится плевать. Когда он не нужен уже совершенно. Пока ты ждешь, он не вернется. Стоит только забить и начать новую жизнь, расправить крылья, нового мужика найти - здрасте, нарисовался. Все осознал, раскаялся, пусти обратно. А уже не надо!

Я слушала, как за окном шуршат шинами машины, разбивая апрельские лужи. Грязь чавкала под ногами прохожих.

У меня больше не было мужа, не было работы. Но внутри, где еще минуту назад зияла пустота, начала проступать слабая, упрямая искра. Может, и не стоило спасать то, что перестало подниматься. Может, пора было просто взять новую форму и начать все заново.

Глава 3. Терпкий запах потери

Понедельник выдался обманчиво ясным. Солнце било в окна пекарни так ярко, что даже уже успевшие за выходные покрыться пылью стекла витрин заиграли радужными бликами.

Вокруг пели птицы. Воздух был наполнен предвкушением настоящего тепла. Зелени еще не было - ветки деревьев стояли голыми, но почки уже набухли, а лужи у тротуара блестели, как отполированные зеркала, отражая чистое, без единого облачка небо.

Природа словно смеялась над нами, демонстрируя весну в ее самом безупречном, праздничном наряде. А внутри царила пустота.

Пекарня уже не работала. Двери были заперты на замок, табличка "Закрыто" висела криво, будто ее повесили в спешке и забыли тут же поправить. Внутри споро шебуршали грузчики в рабочих комбинезонах.

Они таскали мелочевку: противни, формы, упаковки с пергаментом, мешки с сахарной пудрой, венчики, лопатки, термометры. Все, что можно унести в руках или сложить в коробку, отправлялось в фургон.

Крупное оставалось: огромные конвекционные печи, холодильные шкафы, промышленные миксеры. Они стояли как осиротевшие памятники, холодные и бесполезные в выключенном состоянии.

От этого зрелища сжималось что-то в груди. Место, которое раньше пахло ванилью, карамелью и теплым тестом, теперь пахло отчаянием, картоном и чужой спешкой.

– Поверить не могу, что это правда происходит, - пробормотала Елена Ивановна, наблюдая за тем, как ее вещи выносят и аккуратно складывают в машину.

– Как дурной сон, - согласилась я. - Вся эта жизнь - как дурной сон.

– Да ладно тебе, - махнула она рукой. - Ты молодая, у тебя все впереди. Найдешь еще работу. Главное-то - семья есть. Муж - защитник и тыл. Это у меня - никого и ничего, кроме этой пекарни. А теперь и ее нет. И возраст уже не тот, чтобы начинать все с нуля.

Я не стала ничего говорить. Зачем ей рассказывать, что мужа - защитника и тыла - тоже больше нет? Разве станет ей легче от того, что она узнает, что через два часа я должна быть в загсе, чтобы подтвердить свое согласие на разрушение моей жизни?

Иринка стояла у стола упаковки, медленно складывая в коробку свои личные ножи. Она не смотрела на меня, только губы были сжаты в тонкую линию.

Я знала этот взгляд. С виду он казался свирепым и злым. Но Иринка просто думала с таким выражением лица. Всегда.

Она не злилась. Она обдумывала какой-то план. И очень напряженно. Очень.

Елена Ивановна тяжело вздыхала каждый раз, когда очередная коробка покидала помещение.

В ней чувствовалась тяжелая, липкая усталость человека, который отдал этому месту годы, а получил в ответ сухое постановление о прекращении деятельности и прощание.

– Держи.

Она протянула мне маленькую книжицу. Трудовая книжка. Я провела пальцем по корешку, чувствуя знакомую шершавость. Вся моя трудовая деятельность в одной маленькой книжице. Все мои дни, когда я отдавала себя работе без остатка.

И снова - расторгнут договор. Договоры, какими бы они крепкими не казались, всегда можно расторгнуть.

И даже то, что кажется незыблемым, имеет свой финал. Просто констатация: все закончилось.

Я жала обложку в ладонях. За окном солнце продолжало греть, птицы щебетали беззаботно, будто ничего не случилось. Лужи сверкали, воздух был чистым и звонким.

Весна шла в полный рост, а мы стояли среди картонных коробок и выключенных машин, как на поминках по собственному ремеслу. Мне хотелось заплакать от этого контраста. От того, как мир продолжает жить своей жизнью, когда твой собственный график обрывается.

От того, что я держу в руках документ, который официально ставит точку не только в работе, но и в том укладе, который я считала нерушимым.

Сначала Пашка ушел. Теперь пекарня. словно кто-то взял мою жизнь и выключил оба источника тепла одновременно. Оставил меня на холодной кухне, где больше некому проверять температуру.

И через пару часов я получу еще один документ, который подтвердит, что я больше никому не нужна.

Я спрятала книжку в сумку. Иринка подошла, держа в руках коробку и легонько подтолкнула меня к выходу.

– До свидания, Елена Ивановна, - тихо произнесла Ирка. - Вы звоните, если что.

Елена Ивановна кивнула, и в этом кивке было больше, чем в любых словах. Мы вышли на улицу. Солнце слепило глаза, воздух бил в грудь свежестью, а под ногами хрустела подсыхшая грязь. Я сделала шаг. Потом еще один. Весна не ждала, пока мы оплачем прошлое. Она просто шла дальше. И мне придется идти за ней. Даже если пока не знаю, куда.

– Чего делать планируешь? - спросила Ирка, когда мы немного отошли от места бывшей работы.

Я неопределенно пожала плечами.

– В загс схожу, у нас там время назначено. Потом не знаю.

Ирка развернулась и внимательно посмотрела на меня.

– И как ты? Держишься?

– Держусь, - коротко кивнула я. - Стараюсь не думать обо всем этом. Мне кажется, если я начну думать, то просто рассыплюсь на тысячу осколков. А пока не думаю - этого как будто бы нет.

– Однажды все равно придется, - медленно ответила она. - Тебе придется открыть глаза и увидеть правду. Не торопись. Время придет само. Ты будешь готова, и тогда момент настанет. Вот только

Она замолчала на полуслове.

– Только - что? - уточнила я.

– Только пока ты ждешь этого момента, - осторожно подбирая слова, ответила она. - Не сиди, сложа руки. Делай хоть что-то. Просто делай для себя. Занимайся чем-то, чем раньше не занималась. И тогда, когда ты увидишь правду - что твоя старая реальность рухнула, у тебя останется не пустота, а что-то новое, что ты уже начала строить. Так будет гораздо легче справиться с тем, что ты потеряла что-то старое.

– Типа пойти на танцы? - невесело усмехнулась я. - Как будто бачата заменит мне семью. Или инструктор заменит мужа.

– Ни в коем случае, - покачала головой Ирка. - Знаю, что клин вышибают клином, только не сработает это. Это же бесконечный цикл смены мужиков получится. А надо что-то свое. Чтобы твое счастье и спокойствие не зависело от них. Когда у тебя есть только семья и работа, то потеряв что-то одно, ты хотя бы остаешься с чем-то другим. Но когда теряешь оба сразу, и больше ничего у тебя нет - это страшно. По-настоящему страшно. А если есть еще что-то. Да хоть бачата. Или рассада на даче. Или картины по номерам. Да плевать что, но это должно реально зажигать тебя. Вот тогда катастрофы не будет. Да, будет больно. Но ты не останешься разрушенной до основания. У тебя будет то, что помогает тебе понять - ты это ты.

– Я уже потеряла все, - развела руками я. - Поздно хобби заводить.

– Ты потеряла, - кивнула Ирка. - Но у тебя еще есть время - ты ведь пока не осознала. Вот пока ты в шоке, начинай чем-то срочно заниматься. Обезбол не будет вечным, рано или поздно придется принять реальность.

Я кивнула. Сама пыталась понять, как жить дальше, но за выходные так и не придумала.

Пашка написал только один раз - скинул время, в которое нас ждут в загсе и добавил, что если я не приду, нас все равно разведут, но через суд.

Я решила не обострять конфликт. Если ему действительно так сильно надо, то пусть так и будет. Развод это не приговор. Если люди любят друг друга, они могут жить и без штампа в паспорте.

А если не любят, то штампом их не удержишь. Да и ничем не удержишь.

Оставалось только принять неизбежное и сохранить остатки уважения к себе. Если просить вернуться или уговаривать остаться, то это ничем хорошим не закончится. Но как же тяжело удержаться от этого! Не спасать отношения - это намного сложнее, чем спасать.

Потому что когда ты спасаешь, ты что-то делаешь. Что-то на твой взгляд правильное. А когда ты просто пытаешься делать вид, что ты готова отпустить Это мучение. Это ложь самой себе. Я не была готова отпустить. Я не была готова разрушить семью.

Но я должна была с этим смириться, согласиться и сказать в загсе "да". Такое же "да", которое я говорила в том же самом загсе, когда думала, что это отныне и во веки веков.

И вот что странно - если бы я тогда сказала "нет", то нас никто не заставил бы остаться вместе. То "нет" имело значение.

А если я скажу "нет" сейчас, то это уже ничего не изменит. Нас все равно разведут. Не сейчас в загсе, так через пару месяцев - в суде.

Я шла медленно. Ноги будто налились свинцом, каждый шаг требовал усилий, точно я тащила за собой невидимый груз. Воздух звенел птичьим щебетом и той самой апрельской свежестью, от которой обычно хочется распахнуть окна и вдохнуть полной грудью. Я не распахивала ничего. Внутри все сжалось в тугую, холодный узел.

Я смотрела по сторонам, стараясь не думать о том, что дальше ждет за стеклянными дверями загса. Что могло там ждать? Ничего хорошего.

Мимо пробегали подростки, смеясь и толкая друг друга в плечи. Старушка на скамейке крошила хлеб голубям с таким сосредоточенным видом, будто это было самое важное дело на свете.

Витрины магазинов манили новыми коллекциями, прохожие спешили по своим делам, полные жизни, не подозревая, что для кого-то сегодня мир разделится на "до" и "после". Или он уже разделился? Оставалось только признать это.

Весна шла полным ходом. Почки на ветках уже лопались, выпуская крошечные, почти невидимые зеленые стрелки. Все просыпалось, все начиналось заново. А я шла заканчивать.

Мне было стыдно. Не перед Павлом - перед собой. Перед той женщиной, которая верила, что семья - это рецепт, которому достаточно просто следовать. Я месила наши отношения по привычке, добавляла терпение, ждала, когда поднимется. А оно не поднялось. Тесто опало, пока я отвернулась, пока думала, что ему просто надо дойти.

Я ловила себя на мысли, что хочу развернуться. Вернуться на остановку. Сесть в автобус. Уехать. Позвонить ему. Сказать: "Давай попробуем еще раз. Я начну развиваться. Я начну читать книги. Я запишусь в клуб любителей истории. Скажи, что мне сделать, и я сделаю".

Я знала, что это бесполезно. Павел уже перешел на другую страницу. Для него это был просто этап, как закрытие проекта или подписание акта. Он сделал это не для того, чтобы заставить меня извиняться или развиваться.

Он даже не ждал, что я буду умолять вернуться. Он уже жил в другом времени, где я была лишь фоном, который пора снять с декораций. Ему было все равно.

И это спокойное, деловое равнодушие резало сильнее, чем любые обвинения.

Здание загса показалось в конце улицы. Белые колонны, высокое крыльцо, стеклянные двери, в которых отражалось солнце. Я остановилась. Вдохнула. Воздух был сладким от набухших почек и мокрой земли. Где-то за углом играла уличная музыка, легкая, беззаботная. Я сделала последний шаг. Дверь поддалась. Внутри пахло канцелярским клеем, духами и тишиной. Чужой радостью и моей болью.

Глава 4. Горечь чужого счастья

За шесть лет загс изменился до неузнаваемости. Вместо потертых деревянных скамеек, тяжелых портьер и гулкового эха коридоров теперь царил светлый, почти стерильный минимализм: матовые стены в бежевых тонах, встроенная подсветка, хромированные стойки и широкие светлые окна, пропускающие апрельское солнце без единой преграды.

Даже пахло иначе — не старой бумагой и канцелярским клеем, а свежими пионами, дорогим парфюмом и теплым воском.

Я помнила, как мы стояли здесь шесть лет назад: в душном зале, под мерцание старой люстры, с дрожащими руками и наивной верой в то, что одна печать связывает навсегда.

Теперь все выглядело как декорация из глянцевого журнала, готовая принять сотни счастливых историй. Но мы пришли поставить точку.

В зале царило оживление. Вокруг нас порхали парочки: девушки в легких пальто поправляли мужчинам воротники, парни держали их за руки, глаза блестели, улыбки не стирались.

Кто-то шептался, кто-то тихо смеялся, сжимая в руках папки с заявлениями на брак. Воздух был пропитан предвкушением. Тем самым сладким, густым ощущением начала, от которого обычно замирает дыхание.

К нам подошла девушка с длинными светлыми локонами, протягивая яркие флаеры:

– Аренда лимузина на свадьбу! Скидка при заказе в день подачи!

– Спасибо, - машинально взяла я в руку рекламку.

– Девушка, нам уже ничего не нужно, - мягко отказался Павел. - Мы по другому поводу, слава богу.

Это "слава богу" прозвучало так, как будто все эти шесть лет со мной были каким-то крошечным адом, из которого его наконец-то соизволили выпустить на свободу. Как будто шесть лет назад его затащили сюда под дулом пистолета, а потом удерживали в заточении и не давали света белого увидеть.

И вот теперь он отбыл свой срок, и осталось лишь закрепить это намерение нашим общим согласием.

Через минуту подскочила другая девушка и протянула глянцевую карточку:

– Ювелирный дом "Аврора" — двадцать процентов на обручальные кольца прямо сегодня! - радостно объявила она.

– Ну мы-то, слава богу, не жениться, а разводиться пришли, - собрав весь свой сарказм в кучу, улыбнулась я и отодвинула протянутую мне руку.

Не одной же мне чувствовать себя униженной. Пусть Пашка тоже ощутит - каково это, когда с тобой расстаются со словами "слава богу". Хуже уже все равно некуда.

Павел даже не обратил внимания на мои слова. Он стоял рядом, легко переступая с ноги на ногу. Проверял часы, листал ленту в телефоне, и я заметила, как уголки его губ сами собой поднимаются.

Не от нервов. От нетерпения. Ему хотелось быстрее закончить, как закрыть скучный отчет или утвердить финальную смету. Он даже поправил пиджак, расправил плечи, будто готовился к важной встрече, а не к разрыву.

Он торопился куда-то. Судя по глуповато-счастливому выражению лица - к женщине. Невозможно переписываться с таким лицом с мужиком.

Женщина. Так я и думала. Ну, кто же еще?

Внутри меня все сжималось в тугую, холодный комок. Каждый его легкий вздох, каждое нетерпеливое движение отдавались во мне глухим эхом. Он уже жил в завтрашнем дне. Я все еще стояла во вчерашнем.

Мне протянули бланк.

– Проверьте данные, - совершенно будничным тоном сказала регистратор. - Если все верно - поставьте подпись.

Чернила легли на бумагу ровно, четко. Я не смазала ни одной буквы. Внутри что-то обрвалось, тихо, без звука, как перетянутая нить.

– Необходимо выбрать дату и время, - снова сказала девушка и открыла на компьютере таблицу. - Через месяц есть время после обеда. Удобно?

Я молча кивнула. Говорить ничего не хотелось. Я боялась, что голос меня выдаст. Что я крикну что-нибудь вроде: "Нет, черт возьми, мне неудобно! Мне удобно, когда мой муж живет со мной и любит меня, а не уходит к другой!"

Пашка тоже кивнул, на мгновение оторвавшись от телефона. Он сфотографировал свой бланк.

Зачем? Неужели, чтобы порадовать эту свою новую бабу? Какой цинизм Это было настолько низко, подло и мерзко, что мне захотелось выхватить эту бумажку из его рук, разорвать, скомкать и швырнуть ему в лицо.

Но я не сделала ничего.

Инспектор забрала бланк, кивнула, поставила отметку. И все.

Павел уже шагал к выходу, не оглядываясь.

За распахнутым окном солнце светило так ярко, что слезились глаза. Птицы пели. Весна торжествовала. А я сидела посреди зала, где все было создано для начала, и держала в руках документ о конце.

Мне хотелось провалиться сквозь этот идеальный пол, исчезнуть, чтобы не видеть, как мир продолжает праздновать, пока мой собственный праздник давно погас.

Но я просто расправила плечи, спрятала в сумку бумагу о том, что документы на расторжение приняты, улыбнулась регистратору, встала и пошла на улицу.

Я прошла мимо остановки. Автобус уже подползал к бордюру, шурша шинами по мокрому асфальту и тяжело вздыхая тормозами, но я не стала в него заходить.

Мне нужно было идти. Шаг за шагом, чтобы тело заняло ум, чтобы ритм шагов разогнал эту ледяную глыбу в груди.

Если слезы все-таки решат прийти, я хотела, чтобы они упали на пустой тротуар вдали от посторонних, а не в переполненный людьми салон, под чужие взгляды и неловкое молчание.

Я шла медленно. До дома была пара остановок. Апрельское небо уже затянулось серой дымкой - весенняя погода так обманчива. С утра светит яркое солнце, и кажется, что весь день будет наполнен теплом, а после обеда облака затягивают небо и ветер становится холодным, пробирающим до костей.

И в жизни так же - тебе кажется, что счастье будет длиться вечно, но твой муж собирает сумки и радостно бежит в новую жизнь, улыбаясь своему телефону. Лужи лежали вдоль дороги, как разбитые зеркала, отражая обрывки домов и редкие силуэты прохожих. Я переступала через них, стараясь не шлепать, но ботинки все равно покрывались грязью.

Каждый шаг отдавался в коленях глухой, размеренной усталостью. И это было хорошо. Усталость была понятной. В отличие от всего остального.

В голове не осталось ни одного четкого плана. Завтра? Что я сделаю завтра? Проснусь в тишине. Выпью кофе. Открою холодильник и пойму, что он полон продуктов, которые некому есть.

Через неделю? Через месяц? Я не знала. У меня не было маршрута. Раньше жизнь была расписана, как технологическая карта: смена в пекарне, стирка, ужин, выходные, список поставок, планы на отпуск.

Теперь передо мной лежал чистый лист. И этот лист не вдохновлял. Он пугал. Как рецепт, в котором исчезли все ингредиенты, а осталась только строчка: "Делай как знаешь".

Я пыталась зацепиться хоть за что-то. Найти точку опоры. Но все расплывалось, как сахар в кипятке. Без кондитерской. Без Павла. Без привычного графика.

Кто я теперь? Просто женщина в грязных ботинках, бредущая по апрельской распутице?

А деньги? На какие деньги платить за квартиру? Как искать работу, если руки дрожат, а голова гудит?

Вопросы нанизывались один на другой, тяжелые, липкие, как тесто, которое никак не хочет отстать от ладоней. Ни одного вектора. Ни одной зацепки. Только пустота, в которой эхом отдавался звук собственных шагов.

Горло сжалось. Я подняла лицо к небу, глотая холодный, влажный воздух. Слезы не шли. Или шли, но я их глотала, превращая в соленую горечь на губах. Не здесь. Не при людях. Дома, за закрытой дверью, в тишине, где никто не увидит, как рушится фасад.

Сейчас мне нужно было просто двигаться. Чтобы не остановиться. Чтобы не сесть на скамейку и не рассыпаться на куски прямо посреди улицы.

Я шла, не зная, куда приведут эти улицы. В сумке лежала трудовая книжка, а в другом ее отделе - бумажка о том, что приняты документы о расторжении. Никаких планов. Никакого пути. Только движение вперед, по мокрой, неровной дороге. И слабая, упрямая мысль, что если идти достаточно долго, земля под ногами когда-нибудь перестанет быть жидкой. А пока — только шаг. И еще один.

В кармане завибрировал телефон.

На секунду промелькнула совершенно безумная надежда, что Пашка осознал, что мы только что натворили, и решил все исправить. Забрать эти дурацкие документы, помириться, вернуться и жить, как раньше. Как было понятно. Как было привычно.

Он, я и наши планы.

Я засунула руку в карман, вытащила мобильный и посмотрела на экран.

Ирка. В первую секунду я захотела сбросить вызов. О чем нам разговаривать? Мы же больше не работаем вместе.

Да, как коллеги, как соратницы, мы находили общий язык. Мы даже болтали обо всем и ни о чем. Мы бок о бок трудились и делились своими планами, надеждами, переживаниями. Но сегодня все закончилось.

Что она может мне еще сказать? Или новости о пекарне? Но какие? Елена Ивановна решила все свои проблемы и открывается заново? Глупости. Такого не бывает.

Или она просто хочет поддержать меня? поинтересоваться, как все прошло? Не передумал ли муж? Действительно ли моя семья и вся моя жизнь разрушена окончательно и бесповоротно?

Она проходила через это. Но это был ее выбор. Ей было легче - она сама хотела уйти. Она не хотела продолжать жить с человеком, который стал ей чужим.

А я не выбирала того, что произошло. Я хотела жить с Пашкой! Я хотела продолжать жить свою жизнь, а не брести, как слепой котенок среди мира, в котором для меня нет нигде места - ни в моей собственной семье, ни на работе, которую я тоже любила.

Я все-таки приняла вызов. Не дело совсем запереться в своих переживаниях. Так можно сойти с ума.

– Ну что? - без предисловий поинтересовалась Иринка. - Как все прошло?

– Так себе, - мрачно отозвалась я. - До сих не могу уложить это в голове. Как будто кино смотрю, и все это происходит не со мной, а с какой-то другой бабой. Кстати, о других бабах Переписывается с кем-то, гад.

– Да ладно? - не поверила Ирка. - Пряма при тебе?

– Ага, - подтвердила я и почувствовала, что слезы, которые комом стояли в горле, вдруг отступили. Захотелось выговориться. - Представляешь, одной рукой документы подписывает,

другой в телефоне что-то строчит. И лицо такое, как будто там ему топ-модель написывает. Ну вот как так?

– А раньше ты за ним такого не замечала? - спросила Ирка.

Я немного помолчала, вспоминая. Когда я приходила с работы, Пашка сидел за компьютером. Либо работал, либо играл, но он никогда не переписывался ни с кем. По крайней мере - при мне.

Мог, конечно, сидеть в туалете целый час. И что он там делал, я не знаю. Может, для переписок туда и ходил.

– Не замечала, - вздохнула я. - А это что-то изменило бы? Если бы я его поймала за руку, то что? Запретила бы? Пальчиком погрозила? И он бы перестал, так что ли?

– Нет, конечно, - в ответ так же грустно вздохнула Ирка. - Просто о чем-то же нужно говорить. Тебе нужно поделиться этой историей. Вот - делись. Давай ему перемоем кости. Давай с головы до ног его обольем грязью, вспомним все самое ужасное, что он делал. Тебе полегчает.

– Думаешь? - усмехнулась я. - Реально думаешь, что мне станет легче от того, что я смогу убедить себя, что жила с чудовищем?

– Ну, мне это помогло решиться на развод, - глубокомысленно заметила Ирка. - Я ведь тоже его любила. Но видела, что он тащит меня назад. Да и просто не очень уважает. А уйти я не могла. Жалко было. Столько времени мы пытались строить жизнь, что просто так отпустить это все было за гранью. Как разрушение святыни какой-то. Ну я и начала разгонять себя - подмечала недостатки, каждый его косяк отмечала, даже пробовала дневник вести со всеми его промахами. Но быстро надоело - я уже достаточно набрала всякого Разбились мои розовые очки, вот и все.

– Знаешь, я пока не готова к такому, - честно призналась я. - Я все еще надеюсь, что это какая-то ошибка. Вот осознает он, придет мириться, а я уже ненавижу его? Глупо как-то. Не хочу разрушать семью.

– Семейку уже разрушил он, - напомнила Ирка. - Но дело твое. Если захочешь - я с удовольствием тебя в этом поддержу.

– Учту, Ир, спасибо, - отозвалась я.

– Ладно, я зачем звоню-то? - вспомнила Ирка. - Раз ты сейчас думать о разводе не хочешь, то давай думать о том, что нам, красоткам безработным, делать дальше. Есть кое-какие идеи на обсуждение. Я бы тебя к себе пригласила, да боюсь ты со своим Пашей столкнешься у двери, и обсуждения не выйдет.

– Так-так, - насторожилась я. - Реально какие-то идеи? Или так просто?

– Реально идеи, - серьезно ответила Ирка. - Где встретимся?

– Приходи ко мне, - решила я. - Буду дома минут через десять. Адрес сейчас скину, тут на Чернореченской, близко.

– Отлично, жди через полчаса-час! - скомандовала Ирка и сбросила вызов.

Я поспешила домой. И в моих шагах уже не было безнадежности. Что-то во мне, глубоко внутри, подсказывало, что где-то в самом конце тоннеля разгорается тоненький огонек света.

Глава 11. Где пекут успех

Июльская жара давила на город с самого утра. Асфальт за окном продолжал плавиться, превращая улицу в вязкую, блестящую массу, а воздух был густым, сладковатым от раскаленной пыли.

В квартире стояла духота, несмотря на распахнутые окна. Конденсат собирался на стеклах, а мой кухонный стол, заставленный мерными стаканами, банками с рассыпухой и стопками чистых пергаментных листов, напоминал пульт управления в цеху. Только вместо конвейерной ленты здесь лежал телефон, который постоянно отвлекал.

Я прокручивала список заявок. Их стало слишком много.

Раньше я радовалась каждому сообщению в личке, теперь же цифры начинали сливаться в одно тревожное пятно. Одно из них я открыла особенно внимательно.

Клиентка хотела торт на пятьдесят персон. Бюджет - символический. Условия - правки в дизайн каждые два часа, замена начинок в последний день, доставка по адресу за мой счет.

Мой палец завис над экраном. Старая привычка, выработанная годами жизни в режиме "лишь бы не обидеть" и "лишь бы взяли", шептала: "Согласись!" Возьмись. Сделай. До ночи не выспимся, но зато будет заказ, будет подтверждение, что я еще нужна.

Но внутри что-то щелкнуло. Громко, как таймер на духовке.

– Извините, но все ближайшие даты расписаны до августа, ваш заказ выполнить мы не сможем, - пробубнила я под нос себе и добавила. - Не очень-то и хотелось.

Я нажала "Отправить". Рука не дрогнула.

Впервые за все время я не пыталась спасти ситуацию, угодив кому-то в ущерб себе. Я просто обозначила границу. Как будто отделила яйца от скорлупы: что пойдет в дело, а что - в отходы.

Телефон тут же завибрировал. Ирка. Я ответила, отодвигая ноутбук, чтобы освободить место для калькулятора.

– Отшила уже, да? - с ходу поинтересовалась она. - Хитрая бабенка - торт на полсотни человек и вынос мозга бонусом, а взамен - три копейки. Еще и доставка на нас!

– И не говори, у меня челюсть отвалилась от таких заходов! - вздохнула я. - Хотя время-то у меня есть на этот заказ. Там, вроде, на следующей неделе срок. Только я сегодня ничего не успеваю - мне в восемь утра отправлять шесть коробок маффинов на детский день рождения.

– И на каком ты этапе? - встревоженно поинтересовалась Иринка.

– На сборке. Почти. Маффины готовы, осталось доделать и уложить.

– Слава богу! А то ты мне нужна сегодня вечером - будем смотреть помещение. Я там еще не была, но цена отличная, фотки тоже ничего. Будем совсем крутышками! Еще бы помощника нам. Хоть плохонького, но на которого можно свалить всю эту беготню

Я слушала, проводя пальцем по краю столешницы, и чувствовала, как напряжение в плечах медленно расходуется. Раньше я пыталась быть универсальным солдатом: сама пекла, сама снимала, сама монтировала, сама отвечала на комментарии, сама бегала за продуктами.

Это было как месить тесто руками, когда под боком стоит мощный тестомес. Устаешь, сбиваешь ритм, начинаешь косячить. Бизнес, как закваска, требует ухода, но если не снимать с него лишнюю пену и не кормить вовремя, он просто скиснет.

Нам нужен был человек, который возьмет на себя рутину: упаковку, простые сборки, развоз. Чтобы мы могли сосредоточиться на вкусе, декоре и том, что делало нас нами.

– Ну все, тогда встречаемся в шесть вечера, адрес скину - это на полпути от меня, и от меня, очень удобное место. Не проходное, поэтому и цена низкая. Зато от дороги далеко - мешать никто не будет.

Я кивнула, хотя она не видела. Жара за окном не спала, но внутри стало прохладнее. Тревога и перегрузка, которая последние недели давила на грудь тяжелым, влажным одеялом, наконец-то отступила.

Июльский зной не отступал даже к вечеру. Асфальт все еще отдавал накопленное за день тепло, а воздух стоял тяжелым, как густая, неостывшая карамель.

Я шла на разведку. Печь дома было уже невозможно: кухня зарастала коробками с ингредиентами, холодильник трещал по швам от запасов, а соседи начали коситься на подъезд, где пахло ванилью и жженым сахаром. Пришло время вынести дело из квартиры.

Дверь поддавалась легко. Внутри пахло чистым металлом, хлоркой и свежесмытым кафелем. Ирка уже стояла у центрального стола, разложив на нем планы помещений, договор аренды и распечатку санитарных норм.

Помещение было компактным, но каждая стена использовалась по делу. Два конвектомата, мощная вытяжка с жирославливающими фильтрами, отдельные мойки для рук и посуды, стеллажи для сухих продуктов, холодильник под заготовки.

Все чистое, сухое, без единой трещины в плитке, без щелей в стыках. Полы - противоскользкие, стены - гладкие, под покраску. Никаких "бабушкиных уголков", никаких самодельных полок. Только функциональность.

Я провела ладонью по столешнице из нержавеющей стали. Холод металла отозвался в пальцах привычным, рабочим спокойствием. Раньше я месила тесто на своем кухонном столе, рядом с кружками, пультом от телевизора и стопкой неоплаченных квитанций.

Теперь передо мной стояло пространство, где каждый сантиметр был отведен под процесс. Не "домашние тортики на заказ", а полноценное мини-производство.

Можно было оформить юрлицо, пройти проверки Роспотребнадзора, ставить маркировку на упаковках, работать с другими юрлицами и кейтерингом. Легально. Честно. Без страха, что завтра придет инспекция и закроет все из-за "нарушений санитарных норм".

Я вдруг поняла, как сильно боялась этого все последнее время. Боялась, что мой труд окажется нелегальным, временным, каким-то полуподпольным хобби. А здесь все было прозрачно, как отфильтрованная вода.

Ирка начала раскладывать детали. Говорила про график доступа, про коммунальные платежи, про возможность разделить зоны: тесто, декор, сложные сборки, контроль качества; общая — упаковка, простые заказы, выдача, логистика.

И тут, словно сама собой, всплыла та самая мысль из утра. Человек. Помощник. Не кондитер-звезда, не конкурент, а руки, которые возьмут на себя рутину: фасовку, мойку форм, уборку рабочих мест, курьерскую сдачу.

Чтобы мы не сгорели, пытаюсь успеть все. Чтобы бизнес не захлебнулся в бытовых мелочах, которые раньше мы тащили на себе, как неподъемный мешок муки.

– Ир, нам бы девочку на подхвате, - закинула я удочку.

– Да-да-да, - быстро согласилась она. - Что мы, как лошади пашем без продыху? Давай в блоге выложим постик про то, что нужна помощница? Вечером у меня время будет. Я оформлю предложение. Вдруг откликнется?

– Идеально, - кивнула я удовлетворенно. - Расширяться, так во все стороны.

Мы еще раз огляделись вокруг. Сомнений не оставалось - место полностью подходило под наши запросы. Ирка причесала пятерней растрепавшиеся волосы.

– Слушай, ну славненько тут, да? Думаю, искать дальше нет смысла. Тебя все устраивает?

– Полностью, - кивнула я. - На год договор будет? Раньше не выпрут нас? Цену не задерут?

– Не должны, - повела плечами Иринка. - Нормальные, вроде, ребята. Наши, между прочим, подписчики. Я сама только час назад узнала, что они про нас в курсе.

– Ого, да мы популярны, - удивилась я. - Хотя работаем всего три месяца. Чудо какое-то - поверить невозможно.

– Привыкай, - засмеялась Ирка. - Жизнь полна чудес. Не только плохих новостей, но и вот таких радостных моментов.

Я медленно обошла стол, проверяя розетки, напор воды, работу вытяжки. Все работало. Все дышало порядком. Внутри не было страха. Была только четкая, ровная уверенность: это следующий шаг. Не прыжок в неизвестность, а естественное продолжение рецепта, который я писала сама.

– А точно потянем? - засомневалась я. - Сейчас лето - сезон. А вдруг осенью на спад пойдет?

– Аидочка, радость моя, ну люди же не медведи, чтобы зимой в спячку впадать! - изумилась Ирка. - Как говорится - кушать хочется всегда. А вкусно и красиво кушать - тем более. Помнишь, в пекарне зимой даже больше спроса было, потому что - чем еще заниматься дома, как ни подкидывать в топку круассаны? И уж сытные пирожочки в морозы - самое то!

Ирка замолчала, достала из сумки блокнот, начала записывать цифры. Аренда, коммуналка, страховка, первая закупка упаковки, зарплата помощника. Цифры не пугали. Они складывались в систему. Как пропорции в сложном муссе: когда все взвешено точно, результат не зависит от настроения.

– В общем, при самом прискорбном раскладе мы с тобой остаемся в плюсе, - подвела она итог.

Я слушала и чувствовала, как внутри окончательно встает на место пазл, который не сходился месяцами. Раньше я думала, что масштабирование - это значит делать больше, быстрее, дороже. Теперь поняла: масштабирование - это значит делегировать то, что не требует твоей руки, и оставлять себе только то, что делает продукт твоим.

Мы выключили свет в помещении, проверили, плотно ли закрыты краны и газовые вентили. Металлическая дверь захлопнулась с глухим, увесистым шелчком.

Июльский вечер уже спускался, но солнце все еще цеплялось за горизонт, окрашивая небо в цвета разбавленного абрикосового джема. Воздух остывал медленно, сохраняя дневную духоту, но теперь в нем чувствовалась та самая летняя легкость, когда жара наконец спадает и город выдыхает.

Я постояла у порога, прокручивая в голове план на завтра. Нужно будет найти грузчиков - нормальных, трезвых, ответственных. Упаковать формы, мешки с мукой, баночки, коробки с декором. Все нужно перевезти аккуратно, по чек-листу, без суеты.

Раньше я бы паниковала от такого объема задач. Теперь мозг просто раскладывал их по полкам, как ингредиенты на весы: логистика, транспорт, разгрузка, первая генеральная уборка, тестовый запуск печей. Никакой магии. Только последовательность.

Я шагнула на тротуар, и мысль, которая еще три месяца назад показалась бы безумной, теперь просто была со мной, как факт моей жизни.

В апреле я стояла в коридоре закрывающейся пекарни, держала в руках трудовую книжку и слушала, как за моей спиной гаснет последнее привычное место. Без работы. Без мужа. Без понимания, куда идти дальше. А теперь я запираю на ключ собственное помещение.

Тогда, три месяца назад, я рыдала, выворачивая душу наизнанку от того, что пока они живут, я - выживаю. А теперь я не выживаю. Я строю.

И каждый замес, каждый согласованный заказ, каждый перенесенный мешок муки — это не борьба за место под солнцем. Это мой рецепт, который я пишу сама.

В кармане тихо завибрировал телефон. Ирка.

– Так, ну все, я договорилась, - радостно выпалила она мне в ухо. - Грузчики завтра в девять утра будут у тебя. Успеешь?

– Ночью все соберу, - пообещала я. - С ними надо будет ехать?

– Сама встречу. Ты к обеду подгребай, мне надо тарталетки с семгой оформить на фуршет. Поможешь.

– Не вопрос, - кивнула я. - Давай!

Я усмехнулась, убирая аппарат обратно. Ирка решала все организаторские проблемы быстрее, чем я успевала о них подумать. Зато мои смешные ролики залетали на сотни тысяч просмотров и набирали столько комментариев, что мы уже даже не отвечали на все - это было нереально.

Я поправила ляжку сумки на плече и пошла к остановке. Вечер опускался на город мягким облаком. Где-то в кустах трещали цикады. Я не оглядывалась на запертую дверь. И не оглядывалась на прошлую жизнь.

Глава 5. Кулинарный бункер

Я добралась до дома, как и обещала Иринке, всего за десять минут, если не быстрее. Она дала мне достаточно времени, чтобы привести себя в порядок и навести порядок дома, а не позориться.

Я быстро осмотрелась - что требует моего внимания прямо сейчас?

Квартира всегда была моим убежищем, и я невольно улыбнулась собственной педантичности: даже в разгаре личного краха я умудрилась поддерживать идеальный порядок.

На диване лежал аккуратный плед крупной вязки, на столике - гипсовая статуэтка кошки и подсвечник с чайной свечой. На подоконнике, залитом апрельским солнцем, тянулись к свету горшки с розмарином, тимьяном и мятой. Они мне нравились больше, чем традиционные цветы, к тому же, несли еще и практическую пользу.

Воздух пах едва уловимой сладостью, которая, казалось, въелась в обои за годы работы с карамелью и кремами. Все было на своих местах. Все дышало теплом, заботой, вниманием к деталям.

Именно так я и жила: выстраивала уют кирпичик за кирпичиком, веря, что если все будет идеально, то ничего не развалится. Оказалось, развалится. Но стены все еще стояли. И это уже было чем-то.

И сейчас, проводя инспекцию перед Иркиным визитом, я понимала, что мне не стыдно за то, как я живу. Но все еще стыдно за то, кем я стала - безработной ненужной идиоткой, которая хотела верить в стабильность.

Я быстро шагнула в ванную, краем глаза проверяя, все ли в порядке. К счастью, и там было все на своих местах, ничего не валялось и не смущало взгляд.

Я освежилась, смыв с себя липкое ощущение никчемности, которое преследовало после загса. Странно, но дышать стало действительно легче. Уютный пушистый домашний халат окутал меня мягким облаком и стало совсем хорошо - да, в такие моменты не хочется думать ни о каких разводах. Просто ощущать себя живой и настоящей.

Я вышла и глянула на часы - еще минут десять есть, чтобы переодеться и поставить чайник.

Домашние штаны, футболка, расчесать волосы, на которые попала влага...

Звонок в дверь прервал поток мыслей. Я открыла, и в прихожую ворвалась Иринка. Она прижимала к груди свою сумочку, словно именно там хранились ее идеи о том, как нам жить дальше.

Ее щеки горели, пальто было расстегнуто, а шарф сбился на сторону, но глаза сияли ясной, почти осязаемой уверенностью.

– Как настрой?

– Пока не знаю, - уклончиво ответила я. - Зависит от того, что ты расскажешь. Как у меня дела, ты и так знаешь - ничего за полчаса не изменилось. А вот что с этим делать, как с этим жить, давай думать.

– Давай, - согласилась она, скинула ботинки и прошла на кухню. - Уютно у тебя так. Ремонтик такой приятный.

– Ага, - кивнула я. - С Пашкой делали совсем недавно. Двух лет не прошло. Так-то он молодец... был... Денег ухнули на это дело немеряно, но он говорил, что это нам надолго...

Я вдруг почувствовала, что снова подступают к горлу слезы. У нас ведь было все хорошо! Планы, ремонты, отпуска! Нормальная предсказуемая жизнь взрослых людей, где трудности были решаемы, деньги зарабатывались, будущее не пугало.

И вот теперь - будущего не было, трудности навалились скопом, а про деньги даже страшно было подумать.

– Ну, то, что ремонта хватит надолго, это отлично, - бесцеремонно вторглась Ирка в мои грустные мысли. - Тебе меньше забот. Знаешь ли, в одиночку повернуть ремонт - это подвиг. А так, хоть помог, и на том спасибо.

Я вдруг нервно рассмеялась. Иркина практичность поражала.

Тут у меня мир шатается под ногами, а она рассуждает, будто все сводится лишь к тому, какую пользу может нести мужик в доме. Это было и смешно, и нелепо, но это помогло. Это заземлило.

Я налила чай в красивые фарфоровые чашки, вновь вспомнив, с какой любовью мы выбирали именно этот сервиз. Пашка настаивал на кремовом оттенке, а я хотела темные, чтобы не видно было налет от чая. А он говорил, что ничего сложного нет помыть кружки более тщательно. Но сам он их никогда не мыл.

А потом мы купили посудомойку, чтобы чашки были идеально чистыми всегда. Но налет все равно оставался, поэтому я перемывала их вручную.

– Так и в чем твоя идея? - спросила я, чтобы снова не погрузиться в тоску.

– Мы заведем кулинарный блог! - торжественно объявила Иринка и посмотрела на меня с таким видом, словно ожидала оваций или еще каких-то бурных проявлений радости с моей стороны.

Но я глупо поморгала, переваривая эту мысль, и открыла рот. Молча.

– Чего ты так на меня смотришь? - прищурилась она. - В чем проблема? Сейчас блоги ведут все, кому не лень. Даже школьники заводят каналы. А мы чем хуже?

– Кулинарный блог? - неуверенно уточнила я. - И что нам это даст?

– Серьезно? - так удивленно выпучила глаза Ирка, словно я спросила ее, зачем в тесто для пирогов добавлять дрожжи. - Деньги, славу, признание.

– Ир, ты о чем? Какую славу? Мы же не звезды, - попыталась я вернуть ее на землю.

– Пока не звезды, - поправила Ирка. - Потому что у нас блога нет. Будем вести блог, принимать заказы на выпечку. Зоны влияния разделим. Моя сфера это пироги, пирожки, несладкая выпечка, домашний хлеб... Знаешь, сколько я знаю рецептов домашнего хлеба? От простейшего белого с хрустящей корочкой до навороченного фитнес-хлеба с семенами и еще черт знает чем, включая стружку моркови.

– И что с этим знанием делать?

– Монетизировать, - отрезала Ирка. - Вообще-то, это рецепты, которые есть в интернете, и никакого секрета в них нет. Но для блога и не нужны никакие секреты. Достаточно того, что опытный эксперт покажет, что он этот рецепт использует и получает шикарный результат, а не липкое фуфло на выходе. Люди будут смотреть, подписываться, ставить лайки и писать благодарные комментарии. И, конечно, заказывать у нас что-то более сложное, чем хлебушек.

– Так, а моя роль какая? - уточнила я. - Телефон держать и тебя снимать?

– Приехали, - возмутилась Иринка. - А кто у нас делает самый воздушный на свете зефир? Кто делает нежнейшее суфле? А?

– Думаешь, кому-то это реально интересно? Все есть в магазине, все можно купить, а не корячиться самим. И не заказывать каким-то сомнительным мастерам.

– Ты очень удивишься, но заказывают, как ты выразилась "сомнительным" мастерам постоянно. Причем, они как раз реально сомнительные. А у тебя такой опыт! Да и сами дома корячатся, еще как корячатся. Экспериментируют и потом плачут, что у них бисквит осел, маффины каменные и глазурь уплыла. А твоя не уплывет. Будешь показывать, как это делается, чтобы все работало. Кто-то воспользуется твоими секретами, а кто-то просто проникнется доверием и сделает заказ.

– Допустим, - кивнула я. - Но как ты себе это представляешь? Я никогда не вела блог! Я не умею!

– Ерунда, - успокоила Ирка. - Я уже скачала гайд по первым постам для нового блога, чтобы завлечь аудиторию. Там ничего сложного. Пост-знакомство, полезный обучающий контент, развлекательный контент, вовлекающий контент, посты-провокации, посты-опросы...

– Стой, стой, стой, - запротестовала я. - Но ведь это надо мордой торговать. Я не умею! Я всегда нахожусь за дверями - в цеху, в кухне. Я работаю руками, а не лицом.

– Научись. Все с чего-то начинали. Можно подумать, ты родилась сразу с кондитерским мешком в руках и давай зефирки отсаживать! Тоже училась. Сколько коржей спалила, пока научилась вовремя вынимать? Сколько сливок перевзбила до масла? Сколько глазури испортила? Вот то-то же. И не говори, что не было.

– Было, - улыбнулась. - Но я тогда молодая была и горела энтузиазмом. А сейчас...

– А сейчас ты все еще молодая, а энтузиазм зажжем, - пообещала Ирка. - Слушай, я знаю, что это страшно - решиться на что-то новое. Не просто пойти по проторенной дороге - найти кондитерскую, устроиться и дальше выполнять распоряжения начальника. Очень удобно - зарплату платят, за тебя все решают, не надо ничего выдумывать - просто выполняй поручения и все. Как машина. И мне тоже страшно. Думаешь - нет? Я тоже боюсь. Боюсь, что не получится. Боюсь, что знакомые засмеют. Боюсь, что хейтеры налетят.

– Вот - да, - кивнула я. - Еще их нам не хватало. Мало проблем, так еще и смотреть на обидные комментарии.

– Блокировать будем, - махнула рукой Ирка. - Это все страхи. И они могут сбыться. Но ведь не обязательно! Вдруг у нас получится? Вдруг мы справимся и чего-то добьемся? Докажем себе, этому миру и вообще всем вокруг, что мы чего-то стоим, а?

– А если не получится?

– Тогда плюнем и найдем привычную работу "на дядю". Но мы должны хотя бы попытаться!

Я молчала, водя пальцем по краю деревянного стола. Сомнения не исчезли. Они просто отступили в тень, уступив место чему-то другому. Впервые за недели внутри что-то дрогнуло, шевельнулось, пошло теплом. Это не было радостью. Не было облегчением.

Это было похоже на дрожжи, которые только начали работать: тихо, незаметно, но уже необратимо. Я не знала, как вести блог. Не знала, как снимать свет, как писать тексты, которые не будут звучать как инструкция к миксеру. Не знала, как показать свое лицо, не чувствуя себя голой.

Но я знала, как месить. Как ждать. Как доверять процессу, даже если пока не видишь результата.

Ирка почувствовала, что я готова сдаться.

– Слушай, я бы и одна рискнула, - голосом змея-искусителя проворковала она. - Идея-то реально классная. Да боюсь, что одна не потяну. Сейчас время такое - контент надо штамповать безостановочно. А когда успевать и контент печь, и пироги? Вдвоем-то полегче, а? Смотри, установим дежурства - четные дни мои, нечетные - твои. А? Или наоборот. Будем работать посменно. В день дежурства вся твоя жизнь - только для блога. Готовишь, снимаешь, выкладываешь, показываешь. В выходной - делаешь, что хочешь. Хочешь контент на неделю вперед лепишь, хочешь - пузом кверху валяешься и телек смотришь. Что скажешь?

Я медленно кивнула. Так выглядело менее страшно. В два раза менее страшно. Вести блог не каждый день, а через день - не так уж и сложно. Наверное.

Да и ответственность за провалы делится на двоих, что уже - не такой тяжкий груз. Правда, успех тоже придется делить на двоих. Но ведь его еще надо заработать...

– Ладно, давай рискнем, - согласилась я. - Когда? Завтра? Надо продумать график дежурств, и что в эти дни будем выкладывать, чтобы у нас не было каши в блоге. Надо выстроить систему. Надо составить список...

Ирка счастливо заулыбалась, отметив то, что я включилась в режим работы, а не отрицания.

– Так-то лучше, - кивнула она. – Тогда прямо сейчас и начнем. Итак, нам нужно классное фото, название и фотка с нами двумя. Ты, кстати, заметила, что я накрасилась?

Я посмотрела на Ирку. И правда. Она была неярко, но красиво накрашена - глаза аккуратно подведены коричневым карандашом, чуть растушеванным, ресницы подчеркнуты тушью, тон лица был безупречен. Впрочем, у нее была прекрасная кожа от природы.

Я встала и подошла к зеркалу в прихожей, по привычке поправила выбившуюся прядь и тут же опустила глаза. Отражение всегда вызывало странное, липкое чувство.

Люди часто говорили, что я красивая. И Пашка так считал. Я не знала, как это носить. Казалось, что красота — это чужой ярлык, который мне наклеили, и теперь я должна ему соответствовать: улыбаться, притягивать взгляды, быть "на виду".

А я всегда предпочитала оставаться за кадром. Мои руки знали, как вывести идеальную розу из масляного крема, как добиться зеркального блеска глазури, как поймать момент, когда бисквит "схватится". Но как смотреть в объектив? Как говорить на камеру? Как продавать не просто рецепт, а себя?

Внутри все сжималось от одной мысли. Я не умела быть публичной. Не умела "проявляться". Казалось, что любой мой шаг в сторону экрана будет неловким, фальшивым, будто я надеваю не свой фартук.

Но Ирка была права - этому учатся. Да, кто-то рождается для камеры. Но разве так сложно научиться этому? Попробовать стоит.

Я взяла в руки косметичку.

Ирка ушла только ближе к вечеру. Мы расписали планы на целый месяц вперед, наделали первых фотографий и даже рискнули записать видео, как мы пьем чай - не для "сейчас", а для запаса видео. На тот случай, когда не придет ничего в голову, а что-то выкладывать надо.

В этом была система - как рецепт, где все выверено до грамма. Оставалось только добавить по очереди ингредиенты и отправить все в печь.

Блог "Кулинарный бункер" родился прямо в день, когда в моей прежней жизни были поставлены сразу две финальные точки.

Глава 6. Мука до потолка

Я проснулась от звука дождя. Он барабанил по стеклу так монотонно и настойчиво, что первые секунды я не могла понять, где нахожусь. Рука по привычке потянулась к пустой половине кровати. Пальцы скользнули по холодной, нетронутой простыне.

Я открыла глаза и несколько мгновений просто смотрела в потолок. Комната была той же, но теперь в ней не хватало главного - ровного дыхания рядом, тепла, которое раньше заполняло все пространство без остатка.

Одеяло сползло, на полу валялась книга, которую я попыталась почитать перед сном, а на тумбочке стояла моя чашка с вчерашним чаем, покрытая тонкой, застывшей пленкой.

Я встала, поправила смятую подушку, машинально расправила складки на покрывале. А кому нужен этот порядок? Глупые привычки. Они не умели уходить так же быстро, как ушел Пашка.

Я села на кровати и зевнула. Прошла неделя с того момента, как жизнь затрещала по швам, а я все еще не поняла - пауза это или конец.

Мне захотелось снова укрыться с головой, спрятаться в это знакомое, безопасное "было". Но время на жалость истекло.

Зеркало в ванной отразило недовольное спросонья лицо. Чем оно было недовольно? Тем, что я проснулась не по будильнику, переключившись за секунды в режим "пора на работу"? Или тем, что в моей картине мире не хватало двух самых важных пазлов? Или тем, что в этой картине изначально и было всего два пазла - работа и семья.

А теперь появился третий кусочек. И надо было удержать хотя бы его.

Я умылась, расчесала волосы, потом недовольно поморщилась и включила воду снова - голову следовало помыть. Сегодня мне предстояло "торговать лицом".

Мы договорились, что первым будет дежурство Ирки. Это ведь была ее идея! Вот пусть и покажет пример того, как делать продающий контент.

Она пообещала выложить пост с пирогом, который можно приготовить из того, что есть под рукой. У Ирки под рукой, конечно, есть столько всего, что можно наготовить пирогов на целую свадьбу. Но для подписчиков набор продуктов будет минимальным - яйца, мука, остатки ряженки.

Моя очередь - завтра. И я не собиралась нервничать в последний момент, как это бывает с горящими заказами. Все должно быть готово заранее. Снять, смонтировать, подписать. Завтра останется только выложить.

Без суеты. Без паники.

Просто четкий процесс, как выверенная технологическая карта.

Я достала миски, включила миксер в розетку, проверила зарядку в телефоне. Руки сами потянулись к столу.

Стоп. Сначала камера. Процесс должен быть показан целиком. Лишнее я вырежу. Главное - снять необходимый минимум, чтобы не прилетели комментарии в духе "ничего не понятно".

За окном лило без просвета. Апрельский ливень стеной обрушился на город, превращая улицы в мутные реки. Небо нависло низкое, серое, тяжелое. Казалось, даже воздух пропитался тоской. Но я не дала ей войти. Я подошла к окну и стала смотреть, как вода смывает остатки зимы.

Те самые почерневшие сугробы, которые коммунальщики месяцами сгребали к бордюрам, теперь расплзались, превращаясь в жидкую, маслянистую грязь. Дождь вымывал из них прошлогодние листья, окурки, обрывки газет, пластиковый мусор, осколки льда.

Все это стекало в ливневки, уносилось прочь, оставляя после себя лишь мокрый асфальт и обнаженные, темные островки земли. Природа не плакала. Она просто очищала место.

Я отвернулась от стекла. Тоска, что на мгновение просочилась в грудь, тут же отступила под напором дел. Сегодня — съемка. Завтра — публикация. Послезавтра будет новый день. Предсказуемый. Понятный.

Я не ждала, что полегчает сразу - вот прямо сейчас, когда я нашла себе новое дело вместо двух утраченных. Но я знала: чтобы тесто поднялось, ему нужно время и тепло. А чтобы жизнь пошла дальше — нужно просто начать месить.

Я надела фартук, направила камеру на стол и включила запись. Дождь за стеклом все еще лил, но внутри уже звенел другой звук — тихий, ровный, рабочий. Я была готова.

Все было расставлено по линейке: чистые миски, мерные стаканы, венчики в ряд, даже искусственный свет из настольной лампы, который Ирка назвала "мягким и продающим". Я выглядела как шеф-повар в мини-шоу. Оставалось только нажать запись. Что могло пойти не так?

Первый дубль стартовал с уверенной, почти рекламной улыбки. Я включила миксер, поднесла его к миске с яйцами и не так пошло все!

Венчики зацепили край посуды, миска вырвалась из-под моей руки, взмыла в воздух, как испуганная чайка, и с грохотом впечаталась в стену. Желток и белок медленно сползли вниз, оставляя на обоях абстрактную картину в стиле "солнце после ливня".

Я замерла, глядя в камеру. В ее объективе мое лицо выражало чистый, неподдельный шок. Такого со мной не случалось даже во время учебы. А уж за все время работы я могла взбивать яйца с закрытыми глазами.

Как со мной - опытным кондитером - произошло такое? Почему мои золотые руки вдруг поменяли место произрастания?

Ладно, это просто мандраж. Бывает. На обои не попало - все оказалось на кафельном фартуке. А это легко отмыть, но позже. Просто надо пока отвернуть камеру, чтобы в кадр не попадал разгром.

Второй дубль я решила начать с чего-то максимально простого. Мука. Всего лишь аккуратно вскрыть пакет.

Я взяла ножницы, сделала ровный надрез и слегка приподняла пакет, но упаковка, видимо, решила, что сегодня день независимости. Она лопнула по шву, перевернулась и рухнула на пол.

Облако белой пыли взметнулось до потолка, окутав меня, как густой туман в шотландских горах. Я кашляла, моргала, пытаюсь разглядеть хоть что-то через пелену, а телефон предательски зафиксировал, как я превращаюсь в живого призрака кондитера.

Это было тотальное фиаско. Такого со мной не случалось. Да что со мной? С кем вообще такое случалось?! Разве что с теми, кто впервые в жизни видит муку!

Но меня уже было не остановить. Опускать руки только лишь потому что они внезапно стали кривыми? Ну уж нет!

В третий раз я пошла на хитрость: выключила телефон, заклеила пакет скотчем, сделала готовое тесто - без видеонаблюдения получилось быстро и легко. Затем я переставила камеру на другую полку, чтобы поймать ракурс сверху вниз.

План был безупречен: медленно капать ванильный экстракт, красиво перемешивать силиконовой лопаткой. Проще простого. Облажаться нереально.

Лопатка, видимо, решила иначе. Она выскользнула из моих пальцев, как живая, шлепнулась в раковину с глухим звуком и отправила фонтан воды прямо на объектив.

Это уже напоминало проклятие. Может, я где-то случайно обидела злую колдунью, и она превратила меня в одинокую, безработную и криворукую неудачницу?

Четвертый дубль начался с глубокого вдоха и попытки выглядеть "естественно и непринужденно", как советовала Ирка.

Я улыбнулась в кадр, начала объяснять, как просеять сахарную пудру, но голос дрогнул, слова сплелись в кашу, а рука предательски потянулась поправить волосы, задев штатив. Телефон качнулся, сполз с края полки и плюхнулся в кучу грязных полотенец. Экран погас.

Я медленно обвела взглядом свою безупречную кухню, превратившуюся в поле боя. Это был не блог. Это был документальный фильм о том, как кондитер теряет рассудок.

На пятом дубле я потеряла терпение. Я просто включила камеру, оставила ее писать и начала убирать. Мыла стену от яйца, подметала муку, вытирала стол. Потом села перед объективом, посмотрела прямо в линзу и тихо рассмеялась. Получилось не смешно, а искренне. Смех вырвался сам — нервный, глупый, но освобождающий.

Я хотела облегчить себе жизнь, подготовившись заранее - подстелить соломку, создать стабильность в пределах хотя бы двух дней, а в итоге разнесла кухню, уничтожила продукты и убедилась в том, что я совершенно не умею работать на камеру.

Я вытерла муку с предплечья, отряхнула руки и наконец открыла приложение. Экран загрузился, и я увидела нашу страницу. Название, которое мы придумали вчера, смотрелось на удивление органично. Я замерла.

На странице уже висели два ролика. Оба - снятые сегодня утром. Ирка стояла у своей кухни, которая выглядела так, будто ее только что вынесли со страниц глянца: матовая столешница, мягкий рассеянный свет, ровно расставленные баночки с мукой разных сортов и специями.

На ней был чистый, выглаженный фартук, волосы аккуратно убраны в легкий пучок, ни единой пряди на лице, ни следа вчерашней усталости. Она говорила в камеру спокойно, уверенно, без запинок. Показывала, как правильно раскатывать слоеное тесто, как зачищать края, как смазывать желтком перед выпечкой.

Каждое движение было отточенным, будто репетированным годами. Камера не дрожала. Свет не бликовал. Звук шел чистый, без эха и гула холодильника.

Я смотрела и чувствовала, как внутри шевелится странная смесь восхищения и тихой, почти детской зависти. Не злой, а благодарной.

Как будто я впервые увидела, что можно делать не "как получится", а "как должно". После моих пяти дублей с яйцами на обоях и мукой по пояс ее видео казалось каким-то волшебством. Но потом я перевела взгляд под описание и увидела цифру: семь подписчиков. Семь. Со вчерашнего вечера.

Это было ничтожно мало. В масштабах интернета - капля в море. Но для меня эта цифра весила тонну. Семь незнакомых людей уже нажали "подписаться". Семь человек, которые не побрезговали нашим первым, еще сырым, еще не до конца поднявшимся контентом.

Я провела пальцем по экрану, будто касаясь чего-то живого. В груди что-то дрогнуло, тепло разлилось, как первая порция карамели, которая наконец-то схватилась. Не идеально, но уже не жидкое. Уже можно работать.

Я вздохнула вспомнив, какой погром устроила всего за час. И вдруг мне стало не стыдно. А смешно. И правильно. Ирка взяла на себя парадную часть, а мне досталась закулисье. Но без закулисья не бывает праздника.

Я достала чистую миску. Проверила свет. Включила камеру. И на этот раз, прежде чем нажать запись, просто улыбнулась. Не для зрителей. Для себя. Потому что семь человек уже ждали.

Через сорок минут я закрыла дверцу духовки, выставила таймер и наконец взяла в руки телефон. На экране мерцали отснятые дубли.

Я пролистала их, отмечая удачные ракурсы, ловила моменты, где свет упал слишком резко, или рука дрогнула у края миски. Впервые за последние недели я чувствовала не лип-

кую пустоту, а сосредоточенность. Процесс шел. Тесто уже поднималось в тепле, а я разбирала материал, как пекарь разбирает готовые коржи: что пойдет в торт, что на обрезки.

Экран внезапно погас, потом снова вспыхнул. Вибрация. Ирка. Я ответила, даже не глядя на имя. Голос подруги звучал ровно, без привычной бытовой суеты, но с той самой напряженной четкостью, которая появляется, когда человек сообщает нечто важное, а не просто делится новостями.

– Привет, дорогая, - сходу начала она. - Есть кое-какие новости.

– Я заметила, - улыбнулась я, не думая о том, что Ирка меня не видит. - Семь подписчиков - уже начало положено! И ролики у тебя просто класс! Я свои лайки уже поставила.

– Да бог с ними, - вздохнула она. - Я сейчас ходила в магазин - ну, у меня закончилась, ты не поверишь, корица. И вот прямо на выходе столкнулась с твоим Пашкой.

Я замерла. Это был не просто треп. Это была информация, которая чувствовалась еще до того, как будет произнесена.

– Аид, он был с бабой. Ты тут?

Слова повисли в воздухе, тяжелые, как свинцовые гири. Я не моргнула. Не ахнула. Просто замерла, глядя на темный экран телефона, пока из духовки не начал доноситься тихий, почти неслышимый запах ванили.

Внутри не вспыхнула ярость. Не хлынули слезы. Вместо этого по телу пробежал странный, холодный ток. Тот самый, что бывает, когда открываешь дверцу морозилки и чувствуешь, как дыхание превращается в пар.

Я уже знала, что он ушел к кому-то. Знала на уровне интуиции, по тому, как спешил в загсе, как переписывался, как не смотрел мне в глаза. Но одно дело - догадываться, и совсем другое - услышать, что дверь в его новую жизнь уже захлопнулась.

Но в голосе Ирки не было злорадства. Не было той жалостливой дрожи, которую обычно приберегают для "бедных брошенных жен". Звучала сухая, почти деловая готовность.

Она не хотела ранить. Она хотела дать координаты. Как штурман, который не кричит: "Шторм", а просто кладет на стол карту с отмеченными рифами.

Знать врага в лицо. Знать, с чем придется столкнуться, если он вдруг решит вернуться. Знать, чтобы не питать иллюзий и не строить воздушные замки из обещаний.

– Аида? - встревоженно повторила Ирка. - Ты тут? Слушай, я понимаю, что это больно. Но ты должна была узнать это сейчас и от меня, а не потом и сама случайно. Слышишь? Ты сейчас дома, ты в безопасности, с тобой все будет хорошо, просто прими это, как факт. Поняла?

Я медленно опустилась на стул. Пальцы сами собой нашли край стола, перебирая невидимые крошки. Ревность, острая и жгучая, еще секунду назад готова была вырваться наружу, но тут же уперлась в стену из усталости и здравого смысла.

Да, у него женщина. Да, он не один. Да, он строит новую жизнь. И что? Я больше не держусь за старую. Не для того я месила это чертово тесто, не для того ввязалась в блог, не для того боролась целых два часа со страхом смотреть в объектив, чтобы снова стать фоном в его сценарии.

– Я здесь, - повторила я каким-то не своим голосом. - Я в порядке. Я в полном порядке. Спасибо, Ир. Мне надо это прожить. Немного побыть в этом, хорошо?

Я нажала на завершение вызова, не дожидаясь ответа. Не до церемоний. Ирка поймет. А не поймет - что ж. У меня все равно нет сейчас сил быть вежливой.

Я выдохнула. Воздух вышел долгим, ровным. Таймер на духовке пискнул. Я машинально встала, достала противень, проверила корочку.

Она поддумянилась ровно, без трещин. Идеально. Я поставила его на термосалфетку и посмотрела на окно. За стеклом все так же моросил апрельский дождь, смывая грязь с улиц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.